

Наш общий дом – Беларусь

Евгений ПОДЛЕСНЫЙ, кандидат политических наук

Анализ культурного наследия XVI – первой половины XVII века указывает на высокий уровень развития наших предков. По интеллектуальному уровню, глубине, традициям достижения белорусского народа несколько не уступали культуре «польского народа шляхетского». Поэтому сегодняшним белорусам можно и нужно гордиться своей истинно народной культурой, историческое забвение которой было организовано искусственно.

«**З**олотой век ВКЛ» (первая половина XVI столетия) принес не только долгожданный социально-политический мир на нашу землю. Именно в этот период получили завершение процессы формирования белорусской народности («русских») как самостоятельного этноса в рамках и ВКЛ, и Речи Посполитой. Он принципиально отличался от полонизированной знати (литвинов), которая, обозначив себя как «польский народ шляхетский», перешла в ареал *Slavia romana/latina* и западнохристианскую цивилизацию. Поэтому, говоря сегодня о XV–XVII веках в отечественной истории, необходимо помнить, что в те времена на старобелорусских землях параллельно развивались два самостоятельных этнокультурных процесса, имеющие разные объекты, субъекты и, самое главное, протекающие в разных цивилизационных пространствах.

ОБ АВТОРЕ

ПОДЛЕСНЫЙ Евгений Яковлевич.

Родился в 1948 году. Окончил Минское суворовское военное училище (1967), Новосибирское высшее военно-политическое училище (1971), Военно-политическую академию (1979), Академию общественных наук при ЦК КПСС – Российскую академию управления (1992).

Службу проходил на должностях армейского политсостава – от заместителя командира мотострелковой роты по политической части до начальника политического отдела танковой дивизии.

В 1991–1997 годах служил в аналитических и воспитательных структурах Витебского областного военкомата, Министерства обороны и Военной академии Республики Беларусь. С 1997 по 2001 год – доцент кафедры оперативного искусства Военной академии.

Полковник. Кандидат политических наук (1992).

Автор 10 учебных пособий и ряда публикаций в периодической печати.

Сфера научных интересов: военно-политическая аналитика и история.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Основными культурными и экономическими центрами белорусской народности были города. Их население представляло собою самодостаточное сословие, обладающее значительными материальными средствами. Монахи-доминикане, например, в XVII веке характеризовали жителей Пинска как довольно зажиточных, обладавших такой силой и богатством, что «...было множество горожанъ, имевшихъ въ торгу по сто тысячъ...» [1, с. 32]. Огромное воздействие на развитие культурного самосознания жителей городов ВКЛ оказывали экономическая деятельность, поездки в европейские страны, проникновение образцов западнославянской письменности. Зарождающейся в городской среде буржуазии, в отличие от ориентирующейся на Польшу шляхты, требовались национальное образование, национальная культура, национальный литературный язык, что было необходимым условием ее собственного саморазвития. И объективным союзником городского населения в этом процессе стала православная знать.

Так, в 1581 году иезуиты жаловались Папе Римскому, что «... некоторые русские князья, каковы Острожский, Слуцкий, имеют свои училища, въ которыхъ питается ихъ расколь (т.е. православие. – *Авт.*)» [2, с. 211]. Да и знаменитый Франциск Скорина, который ответил на вызовы общественного развития белорусской народности, был не одинок. Ему всячески помогали виленский бурмистр Якуб Бабиц, в доме которого он основал свою типографию, и член городского магистрата Богдан Онков – активные участники Виленского православного братства [3, с. 668].

Кстати, спектр интересов Ф. Скорины был достаточно широким и охватывал философию, культуру, нравственность. Однако особо он преуспел в издании «русских» книг и введении в широкий оборот старобелорусского литературного языка. Целью своей жизни первопечатник видел служение обществу и народу – «людям посполитым к доброму научению», «своему прироженному рускому языку, к науце всего доброго» [3, с. 668–669]. Эти же цели преследовал и продолжатель традиций Ф. Скорины Василий Тяпинский, который перевел на старобелорусский язык Евангелие и на собственные средства напечатал его в 1570 году. Он высоко ценил свой «зацный, славный, острый, довстипный» народ, способствовал повышению его образования, морали, нравственности и укреплению «русской» культуры, отмечая, что «славные предки» имели свое письмо и «в размаитых языках учоными были» [4, с. 82–84].

Формирование этими и некоторыми другими средневековыми просветителями мировоззренческих идей народной культуры, преданность своему «рускому» (белорусскому) народу, введение в общественную практику литературной формы старобелорусского языка, а также объективная необходимость развития духовности создавали предпосылки для белорусского Возрождения, которое, безусловно, было частью общего процесса Ренессанса и в Великом Княжестве Литовском, и в мире.

Белорусское Возрождение, по сути, стало квинтэссенцией городской цивилизации XVI – первой половины XVII века. Его идеи активно проникали не только в литературу, но и в философию, архитектуру, искусство. Белорусская готика, примерами которой могут служить Сынковичская, Маломожейковская, Супрасльская церкви, живопись и скульптура были тесно связаны с православной церковью. Появляется книжная графика (гравюры Ф. Скорины), предпринимаются первые попытки нотопечатания (Берестейский канционал), в музыкальную

культуру входят канты и псалмы, в белорусском фольклоре завершается становление его основных видов и жанров. Развивался народный кукольный театр – батлейка. Закладывались и активно развивались основы белорусского ткачества как вида художественного промысла и искусства [5, с. 41–43]. Белорусские драма и интермедия,

возникшая на пограничье устного народного творчества и профессиональной литературы, также прочно вошли в повседневную жизнь городов и деревень.

Свое почетное место в мировой сокровищнице занимают и другие достижения белорусской культуры, например, «Грамматіки Славенския правильное Синтагма» (1619) Мелетия Смотрицкого. Книга на последующие два века стала основой церковнославянской грамматической науки. Выдержав множество переводов, она послужила базой для создания сербской, хорватской, румынской и болгарской грамматик [6, с. 84]. Сюда же необходимо отнести и работы Лаврентия Зизания «Грамматика словенская...» (1596), «Катехизис» (1627) и «Азбука» (1596).

Но особенно важной стороной белорусского Возрождения было развитие белорусской литературы как самостоятельного общественно-политического явления. На смену традиционному летописанию во второй половине XVI века приходят исторические обзоры, хронографы, мемуары, синопсисы, семейные дневники, в центре внимания которых находились вопросы истории и аспекты ее развития на определенном этапе государственной и общественной жизни [6, с. 91].

Преследования православных «русских» (белорусов и украинцев) после заключения Люблинской (1569), а затем и Брестской церковной (1596) уний вызвали у них сопротивление национально-конфессиональному давлению, вследствие чего стало возможным появление полемической религиозной публицистики. Первым выстрелом в этом сражении стало сочинение известного в ВКЛ польского католического теолога Пе-

тра Скарги «О единстве костела Божьего под единым пастырем...» (1577), где он подверг резкой критике православие и славянскую культуру. Достойный ответ ему в своем труде «Апокрисис...» (1597) дал Христофор Филалет («Правдолюбец»). Он научно опроверг догматы римско-католического учения о папском главенстве, а также другие положения трактата П. Скарги. Среди «русских» полемистов, писателей и поэтов, писавших на старобелорусском языке, широкую известность получили Леонтий Карпович, Афанасий Филиппович, Леон Мамонич, Спиридон Соболь, Иосиф Половка и др. Сила воздействия проповедей Стефана Зизания (Виленское братство) и его работ были столь велики, что для их нейтрализации польский король в 1596 году издал специальную грамоту трибунальским судам [7, с. 87].

Безусловно, одним из самых выдающихся мастеров церковной полемики являлся Мелетий Смотрицкий. Выпускник Острожской православной братской школы, а также слушатель Лейпцигского, Виттенбергского и Нюрнбергского университетов, он создал десятки трудов, которыми ставил в тупик таких известных защитников католицизма и унии, как Петр Скарга, Антоний Селява, Ипатий Потей, Иосиф Рутский.

Новым жанром явилась политическая сатира. Наиболее интересны в этом плане «Речь Мелешки» (1630) и «Письмо к Обуховичу» (1655), в которых беспощадно высмеиваются польское панство на белорусских землях и свои «родные» полонизированные паны. «Много тутако таких ест, што хоть наша костка, однак собачим мясом обросла и воняет, тые, што нас деруть, губять радные» [8, с. 312].

Одним из ярких деятелей белорусской культуры того времени был и Симеон Полоцкий, автор стихотворных сборников

«Вертоград многоцветный» (1677–1678) и «Рифмологион» (1680).

Столь высокий уровень культуры белорусской народности невозможен был бы без развитой системы образования, которая играла важную роль в решении общей задачи отстаивания «русскими» права на свое национальное существование.

Школы, открытые православными братствами в целом ряде белорусских городов: Могилеве (1590), Бресте (1591), Минске (1612), Полоцке (1622) и других, иногда называли «колеум русский» [9, с. 28]. Обучение в них было 3–5-летним, а учебные программы приближены к программам городских школ Западной Европы и обеспечивали высокий уровень образования. Так, например, в Брестской и Могилевской школах изучали семь свободных искусств. В Виленской – пять языков (греческий, латинский, польский, славянский и старобелорусский), произведения античных мыслителей, арифметику, геометрию, астрономию, географию, диалектику, риторику, музыку, церковный устав с пением, а также учения о праздниках и о добродетелях [9, с. 29].

Прокатские школы, в отличие от католических, принимали на обучение всех желающих, зачастую на бесплатной основе. Методика обучения тоже отличалась: в иезуитских и других католических учебных заведениях широко использовалось механическое запоминание схоластических текстов, а в православных школах обучение строилось на принципах логического усвоения материала. И самое главное: в братских школах, опять же в отличие от католических, физическое наказание было редкостью.

Проигрывая интеллектуально и духовно православия, католический клир призывал на помощь государственную власть. Так, в 1621 году членов Виленского магистрата – как руководителей православного братства –

Симеон Полоцкий читает стихи детям. Рисунок А.П. Апсита. Начало 1900-х годов

лишили должностей и посадили в тюрьму, а на улицах хватали всех, кто подозревался в приверженности к православию, в монастыри бросали камни и горящие поленья [10, с. 100]. Расправы с православными братствами совершались во всех городах Беларуси по любому поводу, а иногда и без повода. Вместе с братствами закрывали их издательства и православные школы. Так белорусскую культуру лишали базы, а ее представителям чинили мыслимые и немыслимые препятствия. После публикации М. Смотрицким «Фриноса, или Плача восточной церкви» (1610) издательство Виленского братства подверглось разгрому, шрифт изъяли, типографа и корректора Л. Карповича (будущего архимандрита виленского Свято-Духова монастыря и ректора братской школы при нем, епископа Владимирского и Брестского) арестовали и держали два года в тюрьме. Это было сделано по личному повелению польского короля Жигимонта III [10, с. 74]. Автора «Диариуша» (1646) А. Филипповича арестовали и за отказ отречься от православия подвергли жестокой казни, предположительно – закопали живым [11, с. 705]. Такое отношение к представителям тогдашней культуры белорусской народности было правилом, а не исключением.

Но, несмотря на гонения и преследования, «русские» (белорусы) активно отстаивали, в том числе и с оружием в руках, свою духовность, свой язык, авторитет которого был по-прежнему высоким в государстве – издание Статута Великого Княжества Литовского в 1588 году на старобелорусском языке яркое тому подтверждение.

Однако в 1696 году власти Речи Посполитой приняли судьбоносное для белорусской народности решение. Конфедерация сословий Речи Посполитой постановила, чтобы в делопроизводстве Великого Княжества Литовского все решения составлялись только на польском языке [12, с. 80]. А затем и сейм Речи Посполитой постановил: «...pisarz rowinien po Polsku, a nie po Rusku pisac» [13, с. 143]. Но и этого показалось мало: в старобелорусском языке запретили использовать кириллицу, а вместо нее ввели латинский шрифт. После таких «нововведений» язык

белорусской народности более чем на полтора века прекращает свое существование на официальном уровне и сохраняется лишь в диалектах. Его возрождение началось во второй половине XIX столетия в условиях царской России.

ГРАНИЦА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Сегодняшние социально-политические процессы в Беларуси характеризуются фетишизацией культурологических явлений средневековой шляхетской среды. Их трактуют как истинно народные и абсолютно исключительные в истории белорусской нации. Некоторые современные ученые процесс Возрождения и Реформации тесно увязывают с проникновением в Беларусь протестантизма. По их мнению, «именно деятельность Ф. Скорины, Н. Гусовского и Я. Вислицкого можно считать прологом эпохи Возрождения на белорусских землях. Вместе с тем только после распространения в ВКЛ протестантского движения традиции Ренессанса начали постепенно вытеснять устоявшийся средневековый образ жизни» [14, с. 99].

Однако более глубокое изучение белорусского Возрождения показывает, что сегодня в Беларуси широко известно только одно произведение Николая Гусовского. Написанное в 1522 году на латинском языке, в 60-х годах XX века оно было переведено Яковом Порецким и Иосифом Семезоном на русский, а затем И. Семезоном на белорусский (1969) языки как «Песня о зубре». Две другие поэмы и несколько стихотворений, посвященных католической церкви и военной истории Польши, остаются в тени. Переводчики «Песни о зубре», как отмечается в предисловии к белорусскоязычному варианту, посчитали, что «пагоня за вонкавай, літаральнай дакладнасцю, як вядома, дае самыя згубныя вынікі ў перакладной паэзіі», поэтому подлинность «аб'ёмнай і эканомнай латыні» они заменили «гнуткасцю і прастограм, дасканалай мовай тваіх продкаў» [15, с. 10]. Из перевода на русский язык видно, что Н. Гусовский называет народ «мелкой чернью» [16, с. 82], а зубру («бизону»), который, по мнению «толкователей» творчества

Мелетий
Смотрицкий

представителей шляхты от протестантизма в пользу католицизма и превращение их в активных деятелей Контрреформации, которая воспринималась в этой среде как утверждение традиционного общественного порядка, окончательно отделили культуру представителей шляхты и культуру белорусской народности друг от друга.

Это было сложное время перехода протестантов и многих представителей православной шляхты в ареал *Slavia romana/latina*. Он происходил в условиях окончательной смены «руско»-литовского уклада ВКЛ на польский и сопровождался ломкой общественного сознания целого народа, изменениями его психологических стереотипов, политических мотиваций и национальных традиций. Многие «русские» (белорусские) патриоты того периода переживали личную драму, раздваиваясь между «рускостью» (белорусскостью) и государственной политикой по ее ограничению и изменениям. Весь трагизм белорусской народности отразили слова оршанского старосты, сенатора, смоленского воеводы Филона Кмиты-Чернобыльского в одном из его «Листов»: «Мы тут, слуги вашей милости, розмавляем больш околo своих, ваших милостей панов, сенаторов наших. Ино некоторые мовят: «Не дай бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову!» [20, с. 87].

В то же время Василий Тяпинский – добросовестный офицер армии Речи Посполитой, протестант (социнианин) и состоятельный гражданин, выступал за веротерпимость. Свой перевод «Катехизиса» на старобелорусский язык он дополнительно сопроводил церковнославянским текстом, тем самым выказав свое уважение к православным традициям [3, с. 692]. Сымон Будный, также социнианин, представил миру два произведения на старобелорусском языке: «Катехизис...» (1562) и «Об оправдании грешного человека перед Бо-

гом» (1562). Андрей Рымша – основатель «панегирической поэзии» – создал на старобелорусском языке панегирики на гербы магнатов Остафия Воловича (1585), Льва Сапеги (1588), Федора Скумина (1591) [21, с. 9]. Полочанин Соломон Рысинский впер-

вые обозначил себя белорусом в 1586 году в имматрикуляционных актах Альтдорфского университета [22, с. 8]. Национальным самосознанием обладали и другие представители гуманистических кружков белорусских магнатов в XVI – начале XVII столетия: Базилик Киприан, Матвей Стрыйковский, Беньш Будный, Даниил Наборовский, Петр Бластус Кмита и др.

Следует заметить, что Сымон Будный свою деятельность на старобелорусском языке ограничил только двумя книгами. Все его труды в дальнейшем создавались только на польском и латинском языках. Андрей Рымша в 1585 году перешел на польский язык. Соломон Рысинский также много сделал на «карысьць» польского и латинского языков [21, с. 9]. Тем самым они положили начало неоднозначному про-

цессу, который стал тяжелой ношей для белорусского народа, когда вплоть до конца первой половины XIX столетия лучшие сыны Беларуси становились творцами польской культуры, а последователи и преемники блестящих белорусских умов эпохи Возрождения и Реформации из католической и протестантской среды по всем признакам представляли убежденными поляками.

Причины столь сложного общественного явления, когда элита нации оставила свой народ, следует искать и в социально-психологической области, и в экономике, и в политике. В частности, во второй половине XVII – XVIII веке пала городская цивилизация белорусской народности как оплот ее культуры. К тому моменту во многих городах белорусская народность уже перестала являться большинством населения. Например, «к началу 80-х годов XVIII века в сре-

Титульный лист «Катехизиса», изданного Сымоном Будным в Несвиже в 1562 году

де клецких лавочников не было ни одного мещанина-белоруса» [23, с. 139]. И так было повсеместно.

Сложившиеся обстоятельства привели к тому, что, по словам известного историка В. Пичеты, «экономически подавленный город не выдержал натиска польской культуры... О белорусской культуре не приходилось говорить в XVIII в. и первой половине XIX в. Преобладающий характер культуры в целом был польский» [24, с. 20]. Литература, музыка, живопись, изобразительное искусство, культура, поддерживаемые правящими элитами, на длительное время стали средством формирования на белорусской земле польской нации из числа этнических белорусов. Современный отечественный историк Я. Трещенок положение белорусской культуры в XVII–XVIII веках сформулировал более определенно: «На территории Литвы и Беларуси к XVII в. сформировался окраинный («кресовый») вариант польской шляхетской культуры, противостоявшей местным русским и литовским традициям как якобы «неполноценным», «низшим» и даже иноплеменным» [25, с. 120]. Результатом всех этих явлений стал страшный по глубине духовно-культурный раскол белорусов. Юго-восток, оказавшийся рядом с Россией и непокорной Украиной, был менее подвержен полонизации, а северо-запад попал под мощное латинское влияние. Но белорусы разделились не только территориально. Граница цивилизационного противостояния прошла и внутри самого народа, между его высшими и низшими сословиями, лишив национальную элиту естественных исторических корней. И затем уже потребовалось не одно столетие для культурного и национального возрождения белорусской народности.

МЫ ВСЕ - БЕЛОРУСЫ

Исторической данностью для суверенной Республики Беларусь является факт одновременного нахождения белорусского общества в двух цивилизациях (восточнославянской, как части восточнохристианской, и западнохристианской), а также двух культурных пространствах (*Slavia orthodoxa* и *Slavia romana/latina*). При этом последнему в СМИ и в гуманитарной сфере в целом отдают явное предпочтение. Вместе с тем

такие действия затрудняют формирование белорусской идентичности, которая длительное время, особенно в XVII – второй половине XIX века не была востребована и не носила ярко выраженного характера. Тогда национальные элиты – реальные творцы белорусского научного и культурного потенциала (основы идентичности) по своему самосознанию и самообозначению принадлежали к польскому этносу. Все это приводило к тому, что даже в 1903 году, как отмечал Е. Карский, «...простой народ обыкновенно говорить по-белорусски, более образованные уже по-польски. ...Народъ съ трудомъ различаетъ народность, но никогда не смешиваетъ православного с католикомъ; всякого католика онъ обыкновенно и называетъ полякомъ» [26, с. 11, 31].

В современной Беларуси в определенных кругах также наблюдается тенденция к ограничению истории белорусской нации узкими рамками ВКЛ и Речи Посполитой с их русофобством и якобы единым народом, единой культурой, где нет места белорусской народности как историческому этносу со своей культурой в эпоху Средневековья. Однако исторический опыт показывает, что возвращение к временам, когда элементы самоидентификации польской нации являлись базовой основой самосознания и самообозначения белорусской знати и части простых людей, будет иметь негативные последствия. В определенной степени данная практика может привести к разрушению белорусской государственности подобно тому, как это было в XVII веке, когда пала городская цивилизация белорусской народности. К сожалению, не потеряли остроты слова польского «Катехизиса» XIX столетия: «У Польши есть своя Индия: Украина и Литва, – колонии эти с Польшей составляют одно целое и, при разуме и умении вести дело, никогда в материальном отношении не будут от нее отторгнуты» [27]. Соединяясь в единое целое, эти факторы оказывают разрушающее воздействие на белорусскую идентичность и вызывают двоеверие в мировоззренческих позициях белорусов. Что может чувствовать гражданин Беларуси, которому говорят: «И флаг у нас вовсе не белорусский, и гимн не тот. И вообще, ты не белорус, а литвин!» Очевидно, необходима законодательная институализация базовых

элементов этнокультурной самоидентификации белорусской нации с учетом активной роли в современном политическом процессе католического сегмента как неотъемлемой составляющей белорусского общества. Ее отсутствие размывает основы белорусской государственности, порождает ряд гуманитарных проблем. В разном понимании этого вопроса отдельными социальными группами многоконфессионального и многонационального сообщества Беларуси состоит суть цивилизационного конфликта, разъединив-

шего национальных демократов и белорусские власти, «свядомую» интеллигенцию и большинство народа Беларуси. И достижение взаимопонимания между правящими и оппозиционными элитами, консенсуса всего общества по вопросу «Что нас делает белорусами?» является первоочередным и главным условием гуманитарного мира в суверенной и независимой Республике Беларусь.

Поэтому тысячу раз прав Янка Купала: «Помніма, братцы, ці мы католікі, ці мы праваслаўныя, – мы беларусы, а Бацькаўшчына наша – Беларусь» [28, с. 213]. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. О бунте города Пинска и об усмирении онаго в 1648 г. / пер. с польск. Н. Янковского. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос., 1847. – С. 31–38.
2. Чистович, И.А. Очерк истории западно-русской церкви: в 2 ч. / И. Чистович. – СПб.: Тип. Департ. Уделов, 1882–1884. – Ч. 1. – 1882. – 220 с.
3. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культур. развития / В.И. Пичета; под ред. З.Ю. Копысского [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М., 1961. – 812 с.
4. Алексютрович, В.А. Тяпинский и его предисловие к Евангелию / В.А. Алексютрович // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии / АН БССР, Ин-т философии. – Минск, 1962. – С. 82–87.
5. Рябцева, Н.А. История белорусской культуры: учеб.-метод. пособие для студентов всех специальностей / Н.А. Рябцева. – Гомель, 2011. – 188 с.
6. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – Минск, 2003. – 444 с.
7. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. – СПб., 1879–1901. – Т. 1: 1470–1700. – 502 с.
8. Прамова Мялешкі, каштэляна Смаленскага, на сойме ў Варшаве ў 1589 годзе // Из истории философской и общественно-политической мысли Беларуси / АН БССР, Ин-т философии. – Минск, 1962. – С. 310–313.
9. Мещеряков, В.П. Братские школы Белоруссии: XVI – первая половина XVII в. / В.П. Мещеряков; под ред. С.А. Умрейко. – Минск, 1977. – 55 с.
10. Васильевский, В.Г. Очерк истории города Вильны / В.Г. Васильевский // Памятники русской старины в Западных губерниях империи, издаваемые по высочайшему повелению П.Н. Батюшковым. – Вып. 5. – СПб., 1874. – 206 с.
11. Православная энциклопедия: Русская православная церковь: в 21 т.; под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Т. 3: Анфимий – Афанасий. – М., 2001. – 751 с.
12. История Белорусской ССР / Акад. наук Белорусской ССР, Ин-т истории; редкол.: И.М. Игнатенко [и др.]. – Минск, 1977. – 629 с.
13. Карский, Е.Ф. Белорусы: введение к изучению языка и народной словесности / Е.Ф. Карский. – Вильна, 1904.
14. Голубович, В.И. История Беларуси в контексте мировых цивилизаций: учеб.-метод. пособие. – 2-е изд. / В.И. Голубович [и др.]; под ред. В.И. Голубовича, Ю.Н. Бохана. – Минск, 2010. – 464 с.
15. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: на бел. мове / М. Гусоўскі; пер. з лац. мовы і прадм. Я. Семяжона. – Минск, 2006. – 71 с.
16. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: на бел., рус. мовах / М. Гусоўскі; пер. на бел. мову Я. Семяжона; пер. на рус. мову С. Куняева. – Минск: Юнацтва, 1998. – 102 с.
17. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: на лац., бел., рус. мовах / М. Гусоўскі; пер. на бел. мову Я. Семяжона; пер. на рус. мову Я. Парэцкага, Я. Семяжона. – Минск, 1980. – 183 с.
18. Вісліцкі, Я. Пруская вайна = Bellum Prutenum / Я. Вісліцкі. – Минск, 2005. – 233 с.
19. Подокшин, С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы / С.А. Подокшин. – Минск, 1970. – 222 с.
20. Кміта-Чарнабыльскі, Ф.С. Лист 19. До Остафея Волловича, каштеляна Троцкаго / Ф.С. Кміта-Чарнабыльскі // Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці; уклад., уступ. артыкулы, каментарыі А.Ф. Коршунаў. – Минск, 1975. – С. 85–90.
21. Лыч, Л.М. Гісторыя культуры Беларусі ў перыяд Рэчы Паспалітай (1569–1795) / Л.М. Лыч. – Віцебск, 2006. – 168 с.
22. Порецкий, Я.И. Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucogussus (конец XVI – начало XVII в.) / Я.И. Порецкий. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 158 с.
23. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич // Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск, 1975. – 248 с.
24. Пичета, В.И. Белорусский язык как фактор национально-культурный / В.И. Пичета; послесловие Л.М. Лыча. – Минск, 1991. – 32 с.
25. Трещенок, Я.И. История Беларуси: в 2 ч. / Я.И. Трещенок. – 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004–2005. – Ч. 1: Досоветский период: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2004. – 296 с.
26. Карский, Е.Ф. Отчет о поездке в Белоруссию в 1903 г. / Е.Ф. Карский. – СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1905. – 32 с.
27. Романчук, А. Воссоединение униатов и исторические судьбы белорусского народа / А. Романчук // Православие.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put5276.html/>. – Дата доступа: 11.10.2012.
28. Купала, Я. Вера і нацыянальнасць / Я. Купала // Збор твораў: у 7 т. – Минск, Навука і тэхніка, 1972–1976. – Т. 7: Пераклады п'ес. Публіцыстыка. Письмы. Леталіс жыцця і творчасці. – 1976. – С. 212–213.